

Слово – argentum, молчание – aurum

Эйнар Эспеланд

На карте не разобрать ни слова. И даже где на ней север, Эйнар скорее понимает, угадывая, где должен быть верх, чем разбирая отпечатанную на бумаге букву "N", которая должна бы почти пронзять бумагу своими острыми концами, а вместо этого выглядит перед глазами почти такой же расплывчатой тенью, в которую расползается не менее острая и колючая "W".

Но кто сказал, что слепым не свойственно твердолобое упрямство? И то, что Эспеланд слеп ещё не окончательно, не является достаточным аргументом в пользу того, чтобы оставить свои попытки примазаться к плеяде великих слепых и тоже сотворить что-нибудь гениальное и по-своему великое.

Чтобы не мешаться на дороге прохожим, Эйнар отходит вправо – мелкими, осторожными, чуткими шагами. Справа юноша не видит почти совсем, тогда как по левую руку ещё сохранившееся поле зрения чуть больше, но Эспеланд, раз уж начал движение, продолжает осторожно смещаться вправо. И не отрывает глаз от карты, уже зная – успел по дороге выяснить самым что ни на есть опытным путём – что если сейчас отвлечься, то потом просто снова взглянуть на рисунок и всё понять не получится. Потеряются все найденные было ориентиры, и придётся долго и мучительно искать их заново.

В копилке всегда есть запасной вариант попросить у кого-нибудь помощи – но Эйнар до последнего мучительно сомневается, стоит ли к этому варианту прибегать. Здоровенный лоб, вдруг заблудившийся в маленькой деревне, выглядит смешно и даже жалко.

Ирина Рейн

В деревню Ирина ходила редко - мол, вот еще, чего я там не видела, разберетесь уж как-нибудь без меня, не треснете от натуги. Рыжей было проще с граблями наперевес всю территорию монастыря вычистить, вплоть до разгона последних микробов, чем один раз сходить в деревню и что бы то ни было там купить. Потому что "там эти ваши китайцы, они торгуются как заразы и вообще они жуки страшные, ну их нафиг, без них спокойнее". Для того, чтобы все-таки выгнать Ирину из монастыря и согнать вниз по тропе, требовались исключительные обстоятельства. В этот раз они определенно были - в виде Райан, с самого утра мечущейся по комнате в истерическом режиме "мненада!"

Понять бы еще, что конкретно ей там надо.

Рыжая сошлась с самой собой на том, что в одиночку Райан - дура, и отпускать ее одну ни в коем случае нельзя. Две дуры, конечно, тоже являют собой то еще зрелище, но все-таки уже не так беззащитны. Особенно если учесть, что одна дура когда-то изучала капоэйру и до сих пор еще спинным мозгом это помнит, поэтому может эффективно махнуть рукой-ногой по старой памяти. Тем не менее, несмотря на свою дурость, путем объединения девушек возведенную в квадрат, до деревни Райан и Ирина дошли без приключений. И даже без особого скандала купили ирландке какой-то там шнурок для каких-то там мистических целей. Возможно, даже получилось бы уйти тихо и мирно - если бы на обратном пути, уже у самых ворот

Ирину слева безжалостно не подрезал какой-то парень

- Э! Молодой чемодан! Разуйте глаза! Здесь люди вообще-то ходят! - громко и непримиримо посоветовала Рейн, ни в коем случае не собиравшаяся сегодня идти на рекорд и целый день тихо-мирно сосуществовать со всеми подряд. - А если я тебе щас так плечом пропишу? Ты не смотри, что я глиста. Я только в профиль глиста! - и, довершая наезд, Ирина от души пхнула юношу, возвращая толчок плечом.

Райан О'Мера

Райан срочно понадобился шнурок. Так срочно, что, пожалуй, если бы сегодня не вышло его купить, завтра случилась бы катастрофа. Гладкие и яркие бусины камней, унесенные с мастер-классов, при попытке к ним прикоснуться наверняка прожгли бы насквозь небрежные ладони. Камни нельзя было просто как попало хранить под подушкой или в ящике комода - в какой-то момент ирландке пришло в голову, что из бусин надо хотя бы попытаться сделать нечто вроде браслета или четок. А для этого в первую очередь нужен шнурок.

И, конечно же, никак нельзя было прямо сказать об этом Ирине. Подруга с ее грохочущей нечуткостью предложила бы нанизать камни на шнурок от ботинка, а этого никак нельзя. Именно поэтому Райан настояла на том, чтобы идти в деревню и покупать там.

Шнурок О'Мера выбирала долго, в конечном итоге остановившись на нежно-малиновой полоске, тут же раскритикованной Ириной. Рыжая бесцеремонно обозвала этот цвет "соплей" - Райан же, напротив, усмотрела в нем трогательную гибкость и готовность подстраиваться под другие цвета, как подстраивается под линию горизонта небо, становясь алым на закате. Уже на обратном пути ирландка подумала еще и о том, что шнурок такого цвета будет поход на хрупкий кровеносный сосуд, и увлеченно прикладывала его к своему запястью, пропустив из-за этого момент, когда Ирина все-таки бросилась в драку.

- Простите, - пискнула Райан, повисая у рыжей на шее и только что не поджимая ноги, чтобы окончательно превратиться в тяжелый жернов и лишиться подругу возможности рыпаться. И торопливо заговорила, пытаясь образумить Ирину: - Не вяжись, пожалуйста, не вяжись. Я знаю, тебе всегда кажется, что ты способна одной рукой перевернуть горы, а второй рукой притянуть купол небес к земной тверди - но, пожалуйста, сейчас не время для девушки-Геракла. Ты только посмотри на эти плечи, это же плечи атланта, они и небо выдержат, не то что твои пинки. Мне стать виноградной лозой и связать тебя? Я стану! - с отчаянной горячностью заявила О'Мера. Ей казалось очевидным, что если молодой человек возжелает отвесить Ирине оплеуху, то Ирина покатится кубарем до самого горизонта.

Эйнар Эспеланд

Если Эйнара и извиняет то, что девушку он, несмотря на её агрессивную яркость, не видит совсем, то лишь отчасти. Слишком много всего намешано в клубок стечения обстоятельств, приведший в итоге к столкновению, и пытаться всё это объяснить — затея бесконечно долгая и неблагодарная. Куда проще склонить условно повинную голову и таким образом попытаться завершить конфликт в самом начале.

— Прошу прощения, — вежливо и чётко говорит Эйнар, но его извинение, похоже, уже никого не интересует. Девушка взрывается криком почти мгновенно, будто Эспеланд своим прикосновением неосторожно задел растяжку, насккивает с задиристостью боевого петуха и в свою очередь толкает плечом, вынуждая Эйнара наконец

поднять на неё глаза – сосредоточиться на карте всё равно теперь нет никакой возможности, продолжать пытаться пристально её рассматривать теперь бессмысленно.

Первыми в глаза бросаются ослепительно-рыжие волосы скандалистки. Эйнар мельком думает, что такими они и должны быть – как яркая боевая раскраска, предупреждающая всех окружающих об опасности. Только потом на первый план врывается ещё одна девушка, разительно непохожая на свою подругу, в первую очередь – испуганно округлёнными глазами, во-вторых – стремительно льющейся речью. Если голос рыжей грохочет как по кочкам, то её подруга говорит много и лихорадочно, но при этом не сбиваясь, виртуозно подбирая слова и сплетая их едва ли не в завораживающую вязь.

– Простите, – вмешивается Эйнар, глядя на хрупкую говорунью с невольной улыбкой. – Скажите, вы всегда так говорите или употребляете всю силу своего красноречия только в чрезвычайных ситуациях? В любом случае, позвольте вам сказать, что у вас замечательно получается.

Встревать в драку Эйнару не хочется совершенно – тем более, в драку с девушкой, какой бы рыжей, высокой и горластой она ни была. Пока же хрупкая говорунья вроде бы настроена драку предотвратить, и Эйнар, в свою очередь, старается сделать всё, чтобы поддержать и укрепить её в этом намерении.

Ирина Рейн

Ирина бы, скорее всего, и так в драку не полезла, потому что парень попался, возможно, чуть ли не тот единственный, с которым Рейн могла бы более-менее мирно общаться, не считая своим долгом отвечать исключительно так, чтобы не только поставить девицу на место, а еще и желательно бы ее к этому месту пригвоздить. Рыжая даже успела начать расплываться в кривой ухмылке, готовая принять извинение и закрыть на этом тему - но.

Но Райан.

Худенькая ирландка только что с ногами на Ирину не взобралась. Стопудово, она в своей бедовой голове уже возвела ситуацию до катастрофы масштабов гибели Помпей. И пытается теперь своим тощим телом броситься на амбразуру и всех спасти. Слов нет.

- Да не вяжусь я! - обиженно зафырчала Ирина, пытаясь выдернуть свою шею из неожиданно цепкой хватки худых рук Райан. - Растение, блин! мы уже хотели мириться, а тут ты со своим митингом! Вот как ты это делаешь, объясни мне? Я тебя не постигаю! Ухо! Ухо отпусти, ты мне его оторвешь! - проезжаясь ладонью по голове Ирины, Райан каким-то невообразимым образом цепляется за ухо рыжей и тянет ушную раковину вниз, грозя вот-вот открутить ее от черепушки подчистую.

К беседе это не располагало совсем - тут бы целой остаться! Ирина, сопя, замотала головой, пытаясь как-нибудь и подругу с себя стряхнуть, и желательно уши, шею и всякие такие прочие части тела сохранить, и из-за этого совсем пропустила, как парень начал мелким бесом рассыпаться в комплиментах ирландке. Иначе расценила бы это как наглый подкуп и точно двинула бы ушастому промеж глаз за такие пошлые махинации.

Райан О'Мера

Признаться, Райан совсем не думала о том, хочет ли она сейчас заводить

знакомства. Знакомиться с симпатичными молодыми людьми все же следует в мирное время, а когда над головами вот-вот разразится гром войны, это кажется неуместным. Но молодой человек, видимо, считает иначе. Или не верит в способности Ирины к драке. Или замечает и знает что-то, чего не видит Райан. Как бы то ни было, его теплая улыбка никак не похожа на выражение лица человека, готового к войне.

- Ой, - пискнула О'Мера, заливаясь смущенным румянцем. Разжала руки, съезжая с плеча брыкающейся Ирины, и неловко взглянула на подругу в поисках поддержки. Райан не относилась к числу тех девушек, которым юноши часто рассыпают комплименты. И поднять со дна памяти десяток-другой эпизодов, опыт которых помог бы понять, что теперь говорить и как себя вести, ирландка банально не могла - не было эпизодов. Была одна памятная встреча с Финном, которая могла бы сойти за нечто похожее, но тогда внимание юноши выражалось все больше в действиях и жестах, не в словах. Как вести себя со словами, Райан не знала. Их много, они почти все с подтекстом или с двойным дном, а потому ужасно сложные.

- О, - сказала наконец ирландка, чуть ли не по звукам осторожно подбирая ответ. - Если вы действительно хотите знать, как это происходит - вы ведь и правда испытываете интерес? вы ведь не просто прикрываетесь маской любопытства, которая должна сделать наше общение менее агрессивным и неловким? - то я не придумываю никаких речей заранее. Водопад тоже не копит сил заранее для того, чтобы потом броситься вниз с уступа одной-единственной волной. Может быть, мой мозг ночами, пока я сплю, придумывает звучные заготовки и исторгает их десятками, как только видит подходящий случай. Я не знаю. Возможно, даже будет верным сказать, что мой язык отчасти говорит все это сам, без моего прямого участия. Но раз вы находите все это красноречивым, то... то... то, полагаю, с моей стороны будет вежливым ответить, что мне приятно это слышать от вас. По меньшей мере, этот ответ совершенно точно будет искренним, - неловко закончила Райан. К концу своего монолога девушка успела покраснеть так, что краска, кажется, заливала щеки до самых висков. И все же - вслух попросить Ирину прервать беседу, уже ставшую непозволительно доверительной для двух незнакомых людей, казалось ирландке грубым. Оставалось только надеяться, что подруга догадается об этом сам. Или просто не сумеет дольше молчать - ее темпераменту это очень свойственно.

Эйнар Эспеланд

Эйнар улыбается.

Пожалуй, это не самое подходящее лицо для человека, которому могут за лишнюю улыбку дать в зубы. С агрессивно настроенной рыжей девушкой, пожалуй, следует быть максимально осторожным, как при ходьбе по минному полю – Эспеланд уже знает, что рыжая взрывается не только от искры, но даже от малейшего намёка на искру. И тем не менее – удержать шальную, лёгкую, неуместную улыбку никак не выходит.

Девушки очень яркие, каждая на свой лад, очень живые – и явно очень дружные, несмотря на небольшую показательную драку. В какой-то момент Эйнару становится неловко смотреть на их дружескую возню, словно он подглядывает сквозь замочную скважину за чем-то очень личным, за чем его вообще-то наблюдать не приглашали. И от того, что девушки не против того, чтобы за ними следили чужие любопытные глаза, менее неловко не становится.

В какой-то момент Эйнар ловит себя на том, что ему хочется посоветовать темноволосой говорунье перевести дыхание. Она почти захлёбывается словами, как будто они кипят у неё в горле и рвутся наружу одно прежде другого. Но вместо этого почти грубого замечания Эспеланд произносит совсем другую фразу.

– Поверьте – вы и правда мне очень интересны. И ваша манера говорить играет в этом не последнюю роль, – признаёт Эйнар. С одной стороны, подозрения девушки ему странны, а с другой – в чём-то они понятны и даже оправданны. Сложно ожидать искреннего интереса и участия от человека, которого видишь впервые в жизни. И всё-таки Эйнар готов поклясться, что ему искренне интересны обе девушки – хотя бы тем, как стремительно и бесцеремонно они ворвались в границы его стремительно сужающегося зрения. И следующий вопрос, вполне логично вытекающий из этого интереса, срывается с губ прежде, чем Эйнар успевает как следует обдумать уместность знакомства прямо здесь и сейчас: – Как вас зовут?

Ирина Рейн

С тем, чтобы взять и устроить ревнючку даже и без повода, Рейн обычно не испытывала никаких проблем - достаточно было одного только желания, и все, иди выдумывай тысячу претензий, кто ж запретит-то. А тут еще и повод был, по-своему достаточно весомый. С точки зрения Ирины, все выглядело так, как будто парень пытался внаглую охмурить Райан - и, что ведь самое подлое, у него однозначно получалось. Ирландка исправно краснела, смущенно мела все, что только попадало на язык, и вообще всячески велась на ласковую вежливость.

Будь это кто из живущих в монастыре парней, Рейн бы, наверное, насторожилась, но вмешиваться и спасать доверчивую дурочку не спешила. Здесь же определенно был не пойми какой хрен с бугра. Которого стоило шваброй гнать прочь чисто чтобы чего не вышло. В левых людях вообще никогда нельзя быть уверенной, а уж во внезапно ласковых левых людях тем более стоит сомневаться. Просто на всякий случай.

- Для тебя ее никак не зовут, - бесцеремонно вмешалась Ирина. Схватила Райан за руку и дернула на себя, более чем недвусмысленно намекая, что время для бесед вышло. - Чего пристал? Оставь девочку в покое. Она, может, и готова со всеми несчастными венниками подряд знакомиться, но я для того рядом и хожу, чтобы всякие черти у нее на ушах гроздьями не висли. Не поймешь словами и сунешься еще раз - буду объяснять пинками. Пойдем, цыпленок! У нас в монастыре своих мальчиков полно, этот кадр тебе не сдался, отвечаю, - и Ирина целеустремленно зашагала прочь, волоча Райан за собой, как буксир - тряпичную куклу, почти не встречая сопротивления.

Райан О'Мера

Райан действительно, в полном соответствии с грубым выражением Ирины, "повелась", и в первую очередь - на легкую, солнечную, бесшабашную улыбку молодого человека. Compliments тому, как О'Мера говорит, конечно же, тоже сыграли в этом свою роль, но далеко не главную. Хвалить можно и не от чистого сердца, но вот покривить душой в улыбке, отзывающейся теплыми искрами даже в глубине зрачков, наверное, и невозможно.

Так что в итоге Райан практически без боя позволила молодому человеку завоевать свое расположение - не в пример Ирине, которую, как всегда, штормило от "почти уже люблю" до "сейчас убью" яростными скачками, практически без перехода. О'Мера, конечно, и сама желала, чтобы Ирина встряла в разговор и с размаху

обрубила его - но это было раньше, до того, как ирландке страстно захотелось познакомиться с молодым человеком, а не просто обменяться парой фраз и навсегда разбежаться. Рыжая опоздала со своим вмешательством всего на какие-то мгновения, но это уже было чертовски невовремя.

- А может, все-таки останемся? - умоляюще зачастила Райан, пытаясь всем своим невеликим весом повиснуть на руке Ирины и притормозить разгоняющуюся прочь из деревни рыжую. - Мы же так прекрасно общаемся. Мы как серфингисты, поймавшие одну и ту же волну, синхронно мчимся в одну и ту же сторону, плечом к плечу. Может быть, этот гордиев узел заслуживает того, чтобы ты не рубила его сразу? - жалобно спросила О'Мера. И, обернувшись через плечо, упрямо крикнула: - Райан! Меня зовут Райан! А вас?...

Эйнар Эспеланд

Эйнару не кажется, что он общается с девушкой, выходя за рамки приличия или предлагая ей что-то непозволительное. Рыжая, очевидно, считает иначе – впрочем, не исключено, что она вообще считает мерзким похотливым извращенцем любого, кто подходит к её драгоценной подруге ближе чем на пять шагов. Яростный блеск в глазах рыжей и фанатичное желание водить свою вполне взрослую подругу хоть бы и за ручку говорят только в пользу этой догадки. И ещё – напрочь отменяют уже почти состоявшееся знакомство, и Эйнар понимает, что вот-вот останется один на неизвестном перекрёстке, практически посередине ничего. Не то чтобы это было катастрофой, людей вокруг много и всегда можно подсунуть карту кому-нибудь из них, но Эспеланд уже начинает привыкать и привязываться именно к этим двум девушкам. Не слишком хочется снова бросаться на поиски проводника только потому, что одной из них угодила вожжа под подол.

Мелькнувшее в речи рыжей слово "монастырь" почти что режет Эйнару слух, в первую очередь потому, что юноша жадно слушает весь пламенный монолог девушки, ища, за что можно зацепиться и с каких слов можно попытаться продолжить общение. Слово "монастырь" – звучит идеально. И Эйнар его ищет, и девушки, судя по всему, имеют к нему прямое отношение, если не вообще живут в нём.

Осталось только подойти к девушкам со своим вопросом так, чтобы успеть произнести его до конца прежде, чем юноше попытаются вбить слова обратно в горло – с учётом горячего темперамента рыжей эта задача звучит как не самая простая.

Шагая за девушками по пятам, Эйнар торопливо ищет решение задачи. Наиболее рабочей и осуществимой выглядит такая версия: поскольку говорить ему напрямую запретили только с Райан, стоит попробовать обратиться к самой рыжей. Именно это Эйнар и делает – догоняет девушку, шагающую так решительно, словно она сваи заколачивает, касается её плеча и твёрдо говорит: – Разрешите тогда задать вопрос вам. Вы только что говорили про монастырь – скажите, вы не могли бы показать или хотя бы рассказать мне, как его найти? Очень вас прошу.

Ирина Рейн

Волоса за собой Райан, Ирина мчится по дороге в смешанных чувствах. Одновременно и она уверена в том, что после такой отповеди парень больше к ним с Райан не сунется, и смутно хочется, чтобы пацан оказался упрямым и все равно

полез ещё раз, несмотря даже и на самое распоследнее китайское предупреждение. Зачем ей этого хочется, Ирина и сама не очень понимает - то ли чтобы можно было уверовать в мужскую непоколебимость и настойчивость, то ли чтобы появился повод ткнуть навязчивого пацана кулаком в зубы и вообще устроить наконец порку, а то мало ли, кто-то до сих пор в способностях Рейн сомневается.

Парень действительно догнал и снова стал навязываться - ну, хоть не струсил, девчонки не испугался, уже молодец. Ирина остановилась, выпустила руку Райан, скрестила руки на груди - и принялась слушать, медленно, но верно закиппя от ярости, как большой медный чайник. С одной стороны, пацану велели не соваться, а он всё равно сунулся. Вполне себе повод для плюхи, почему бы и нет. А с другой стороны, формально он вроде как всё соблюдает. Сказано: не лезть больше к Райан, он и не лезет, увивается теперь строго вокруг Рейн, молодец мальчик. Но, несмотря на это, прописать ему оплеуху всё равно хотелось.

- Ага, а меня зовут Ирина, спасибо, что спросил! - буркнула рыжая, чисто по-женски обидевшись на то, что вниманием её обделили. Но, с другой стороны, во всём остальном-то мальчик вежливый. Хороший такой. Ирина согласилась слегка разбавить милостью свой гнев и снисходительно сообщила: - В монастырь мы сейчас как раз идём. Так и быть, проведём туда тебя, чайника. Только сперва скажи: а на кой ляд тебя туда несёт-то?

Райан О'Мера

Самое, наверное, действенное сопротивление, которое могла оказывать Райан - протестующе пищать, надеясь, что тоненький комариный писк разжалобит Ирину, и девушка слегка притормозит свой бег. Отбиваться О'Мера не умела и даже не рисковала начинать. Оставалось только выражать свое несогласие словами - и надеяться, что молодой человек тоже хочет продолжить разговор и просто так уйти Ирине не позволит.

Юноша действительно полученным отпором не смутился. Догнал и снова начал разговор, но на сей раз с Ириной, втягивая ее в беседу и отнюдь не безуспешно. Воспользовавшись тем, что рыжая перестала держать ее за руку, Райан поспешно попятилась, с тем расчетом, чтобы ее уже нельзя было снова так же просто сгрести в охапку, как котенка, и просто-напросто унести. И дальше за беседой О'Мера следила уже с безопасного расстояния.

- О, мы очень могли бы показать, где монастырь, - рьяно закивала Райан, хотя изначально честно пыталась рта не открывать, чтобы все не испортить. - Тогда, выходит, нам по дороге? В таком случае, я полагаю, нам действительно следует хорошо и без скандалов познакомиться. Я не желаю ссориться с людьми, с которыми мне потом жить в одной комнате. Мы уже ломали копыя в схватке с Эвой и Доминикой - а они живут прямо в комнате напротив. Мне теперь до сих пор неловко выходить в коридор, - пожаловалась О'Мера. И, подойдя к Ирине и взяв ее за руку, умоляюще предложила: - Давай, мы потушим эту ссору и больше не будем раздувать пожар войны? Я знаю, тебе хочется ругаться, без этого день для тебя пресный. Но, пожалуйста - давай мы дотерпим до монастыря, а там ты поругаешься с кем-нибудь другим?

Эйнар Эспеланд

В первый момент рыжая прожигает Эйнара таким взглядом, что невольно кажется: она обижена на юношу просто за сам факт его существования, и найдёт к чему прицепиться вне зависимости от того, насколько вежливо и осмотрительно

Эспеланд будет себя вести. Но стоит девушке заговорить – и Эйнар готов признать: вот это, пожалуй, и вправду получилось не вполне вежливо, спросить имя у одной девушки, но позабыть про вторую. Здесь у рыжей, пожалуй, и вправду есть веский повод обижаться.

– Простите, Ирина. Конечно же, вы правы, я должен был спросить ваше имя, – покаянно склоняет голову Эйнар, пытаясь повторить всё тот же нехитрый трюк, что так удачно сработал в первый раз: сразу же извиниться, не вдаваясь в подробности и не разбираясь, насколько справедливо с него требуют извинений.

Рассказать о том, зачем ему в монастырь, Эспеланд не успевает. Юноша делает небольшую паузу, решая, насколько уместным будет сейчас рассказывать девушкам о своих проблемах и не лучше ли обойтись общими, не конкретизирующими ситуацию словами – и этой паузой тут же пользуется Райан, вновь врываясь в беседу подобно цунами. Сейчас слушать её миролюбивую речь – одно удовольствие, хотя, возможно, в другое время эта лихорадочная многословность и будет утомлять.

– Выходит, что да, нам по дороге, – кивает Эйнар, невольно вновь расплываясь в улыбке. – И я с вами совершенно согласен, Райан, мне тоже очень не хочется ссориться. Меня зовут Эйнар. Рад знакомству.

И, заверяя девушек в своей радости, Эспеланд совершенно не кривит душой. Райан очаровывает его сразу – а с Ириной, юноша уверен, нужно просто суметь сдружиться, и да, возможно, это будет ни разу не легко. Но ведь можно же, раз с Райан Ирина определённо дружит более чем крепко?

Ирина Рейн

На вновь принявшегося извиняться парня Ирина уставилась с немалым подозрением. Ей в голову пришла мысль о том, что пацан, чтобы не нарываться на ссоры, извиняется сразу, как только на него наедут, и даже не пытается включить башку, чтобы понять, реально он виноват или всё-таки прав. Интересно, если его упрекнуть в том, что Земля круглая, а не плоская – он тоже начнёт бить себя пяткой в грудь и раскаиваться?

Ну дурдом же.

Ирина уже набрала воздуха в грудь, чтобы велеть парню не быть такой тряпкой, а показать, есть ли у него там в заначке хоть что-нибудь, похожее на внятный характер, – но этим воздухом так и пришлось давиться, потому что откуда-то сбоку опять вылезла Райан и вмешалась. За тем, как её пугливая подружка преображается в боевого воробья, Рейн наблюдала со всё возрастающим изумлением. Потом перевела хмурый взгляд на молодого человека, тут же подхватившего эту шарманку о том, что надо жить дружно, и фыркнула: – Охренеть как вы спелись. Точно нигде за углом втайне от меня не репетировали? Импровизаторы, блин. Вам концерты давать надо, будете диким успехом пользоваться. Ну идём тогда, чего просто так дорогу топтать, – перевернула плечами Ирина. Первая зашагала прочь из деревни, более чем недвусмысленно обозначая, что командир здесь она, и точка, и на ходу обратилась к Эйнару: – Так я не услышала, пуся: что ты забыл в монастыре? От кого бежишь, чего ищешь? Выкладывай как на духу. А то, может, тебя и на порог-то пускать нельзя. Тогда мы уж лучше тебя в деревне бросим, а не в горах.

Райан О'Мера

Пока Ирина и Эйнар договаривались друг с другом и решали, готовы ли они мирно сосуществовать параллельно друг другу, Райан от волнения даже перестала дышать. Набрала полные щеки воздуха, словно хомяк, да так и застыла, переживая за исход переговоров. Не исключено, что если сейчас неосторожно запыхтеть, это станет толчком, который заставит Ирину в очередной раз встать в позу назло всему свету. Очень хорошо они ей удаются, эти позы. Рыжая легко встаёт в них до десяти раз в день, а то и чаще.

Обвиненная в сговоре с Эйнаром, Райан только виновато вздернула плечи почти до самых ушей, пряча шею, и по-прежнему не решалась вновь начать прокачивать лёгкие вдохами и выдохами. Вот как придем к любовному соглашению, тогда и можно будет прокачать за весь Линь Ян Шо сразу и на год вперед, а пока лучше не торопиться.

И только после небрежно оброненного Ириной "идём" О'Мера восторженно расцвела, сразу и безоговорочно. Мгновенно вклинилась между Ириной и Эйнаром, словно маленькое и хрупкое, но очень нужное промежуточное звено. Подхватила Ирину под правую руку, Эйнара - под левую, и жизнерадостно сообщила: - О, дойдем до монастыря мы быстро! Он, конечно, не ждёт нас на первом же повороте, но это всё ерунда, это совсем ни о чём не говорит! Главное здесь, что нас ведёт Ирина. От её ног не отказался бы и сам Усэйн Болт, так споро они шагают - и нас заставят шагать так же, а мы и не заметим. Дорога промелькнет быстро, вот увидишь! - и, ободрив Эйнара таким образом, Райан переключилась на Ирину, с укоризной на бросившись на рыжую: - Не пытай его, не стоит! Я понимаю, что в тебе каждый день от тоски и безделья умирает Торквемада, перехлестывая веревку через потолочную балку - но вовсе незачем с этого начинать! Сбереги инквизитора души своей для кого-нибудь другого. Я знаю, у тебя длинный расстрельный список. Ведь верно же? Правильно же? - в последний момент усомнилась Райан. И мелкими, дробными шагами сместилась чуть ближе к Эйнару, как всегда, постфактум ошалев от собственной смелости и на всякий случай ожидая от Ирины исполненной праведного гнева оплеухи.

Эйнар Эспеланд

Эйнар ловит себя на мысли, что, несмотря на угловатую, резкую грубость в словах и тоне, Ирина начинает ему нравиться, и чем дальше, тем сильнее – возможно, за счёт того, что притворству в ней уж точно нет места. Притворство обыкновенно ласково и не видит смысла рычать и кусаться. А то, что рыжая почти сразу, без малейших попыток прикинуться дистанцированно вежливой, переходит на "ты", и что хамоватой грубостью Ирина подменяет и раздражение, и дружелюбие – что ж, это по-своему интересно. По меньшей мере, такую девушку, как и Райан, уж точно не получится легко забыть, настолько она колоритна.

– Я не думаю, что здесь будут уместны параллели с испанской инквизицией, – спешит вмешаться Эйнар прежде, чем девушки перейдут к совсем уж диким аллегориям и окончательно запутают беседу. – Это же не вопрос, а обыкновенное человеческое любопытство. И я, право, не вижу в этом вопросе ничего такого, на что не стоило бы отвечать.

Правда, здесь стоило бы сделать оговорку: отвечать максимально честно и подробно Эспеланд не планирует, надеясь обойтись обтекаемым рассказом и избежать дальнейших расспросов. Всё-таки в какой-то степени позвоночник – это

довольно личная и деликатная тема, особенно когда он не чужой, а твой собственный. Не слишком хочется допускать до него посторонних с любопытными пальцами, и чтоб щупали, даже если максимально деликатно.

— Я думаю, что ничего нового вам не скажу, — наконец улыбается Эйнар, придумав достаточно расплывчатую формулировку, которая и ему самому кажется приемлемой, и вполне может устроить девушек. — Наверняка я не первый и не последний турист, который приезжает сюда, понадеявшись на так замечательно воспетые в интернете чудеса восточной медицины. Вот вы живёте в монастыре, так скажите мне: это правда? Здесь действительно творят чудеса? Я могу надеяться, что меня осчастливят, вернув мне прежнее крепкое здоровье?

Ирина Рейн

Ну здравствуйте. Умирают. Вешаются. Вот еще тоже разговорчики пошли.

Каждый раз, когда Ирине кажется, что она от Райан услышала уже все максимально нестандартные перлы, и дальше удивить рыжую уже не получится - Райан напрягается и выдает что-нибудь новенькое, доселе неслыханное. И рыжей остается печально скрипеть мозгами, переваривая и осознавая этот перл. Вот это вот, про веревку на потолочной балке - это вообще что сейчас было такое? И кто такой Торквемада, Ирина представляет себе довольно смутно, знает только, что вроде как грозный средневековый товарищ, Рейн поэтому не очень поняла, как ей к такому сравнению относиться.

Зато чувствовать себя необразованным дном уж точно можно.

- Ай, какие вы, блин, оба умные! - с раздражением воскликнула Ирина - неизвестным Торквемадой ее теперь травили сразу двое и знатно этим бесили. - Где ваша длиннющая библиография, умники? Где публикации в цитируемых журналах? Что - нет? Ну вот и не пляшите на костях моего мозга, балдейте от своей начитанности молча.

Легче после этой отповеди, правда, ни фиги не стало. Ирину все так же продолжали жалить в мозг неожиданными заявлениями - правда, теперь пришла очередь солировать для Эйнара. Рыжая была готова услышать от парня откровение некоторой степени дикости, но все же не настолько. Вот этот-то молчел, которому Райан уже успела небезосновательно приписать атлантовы плечи - и приехал слабое здоровье укреплять?

Да чо вы за хрень тут все несете вообще.

- Ты не похож на рахита, - предельно честно сказала Ирина. И, протянув руку, на пробу потыкала Эйнара пальцем в крепкое плечо: - Неа, не рассыпаешься. Горба не вижу, одышки не слышу. А что ж тогда такое? Поясни, человеку, я не постигаю и начинаю смутно подозревать, что ты мои уши лапшой кормишь.

Райан О'Мера

Райан в разговор старалась не вмешиваться - она вдруг с удивлением поняла, что можно идти и молчать. И что ей вовсе не обязательно в ответ на каждую реплику со стороны пытаться вставить свои слова и свое мнение. Можно просто служить маленьким, но довольно важным звеном между Ириной и Эйнаром, крепко держать их за руки и ощущать под пальцами жесткие движения чужих мышц. При этом ирландка не терялась, о ней не забывали, она не выпадала из разговора полностью. Это ощущение было в новинку - и откровенно нравилось девушке. Нравилось настолько, что, будь у нее под рукой иголка с нитками, О'Мера, ни секунды не сомневаясь, зашила бы себе рот, чтобы не спугнуть свежий бриз новизны одним

неосторожным словом.

Ирина и Эйнар же вполне самодостаточно общались, вели живой диалог и были похожи на яркую пьесу, написанную всего для двух человек. Райан ими откровенно любовалась, грела глаза и уши, одновременно жутко стесняясь своего неприкрытого любопытства. Заливалась алой краской до кончиков ушей - и все равно жадно слушала. И думала, что, возможно, прямо сейчас у нее на глазах зарождается дружба, робко и неосяземо.

Добровольно отключив самой себе слова, Райан осталась с жестами и взглядами. Даже, скорее, с одними только взглядами, потому что рук Ирины и Эйнара ирландка упрямо не выпускала. Только лицом и осталось встречать неожиданные известия - О'Мера застаралась. Преувеличенно распахнула глаза и округлила рот, пытаясь и молча передать изумление так, чтобы все почувствовали его так, словно Райан окатила всех волной удивленных слов. Хотя, признаться, никакие многочисленные слова О'Меры все равно не сравнились бы с единственным кратким замечанием Ирины по точности и выразительности. Этот талант рыжей отрицать было невозможно - ей порой хватало и двух-трех слов, чтобы описать ситуацию точнее и выразительнее, чем это можно было бы сделать в целом эссе.

Эйнар Эспеланд

Несколько запоздало Эйнар понимает: если не хотел рассказывать, тогда уж надо было вообще рот не открывать. Крепко стиснуть зубы в партизанском молчании и не разжимать их ни под какими пытками. Ирина не производит впечатления девушки, которая готова легко отпустить интересующую её тему – и оправдывает это впечатление, вцепляясь словно клещами и начиная требовать точного ответа. Не совсем в лоб, конечно. За грудки не хватает и выбить признание не пытается. Но вполне однозначно просит чёткого признания. И даже, что выглядит как-то особенно забавно, проверяет Эспеланда на прочность, пытаясь тонким пальцем проткнуть юноше плечо.

— У меня травма позвоночника, – осторожно говорит Эйнар, тщательно выбирая слова, но всё равно сомневаясь в том, что Ирине их хватит, и рыжая остановит дознание. – Согласись, с ней жить неуютно. И когда я отправлялся на Тибет, я надеялся, что здесь мою шею смогут хоть сколько-нибудь починить. Теперь скажи, пожалуйста, наконец – я надеялся зря или не зря? Сможет чудесная восточная медицина с моими костями сотворить хотя бы крошечное чудо?

И достаточно ли это веская причина для того, чтобы стать пропуском в монастырь – так и хочется добавить. О том, как Ирина легко предлагает в случае чего бросить юношу на дороге, Эспеланд не забывает ни на миг. И ему болезненно любопытно, каким тяжёлым – или наоборот, каким несерьёзно лёгким – должен быть его случай, чтобы юношу и впрямь бросили посреди дороги.

Чувствует себя Эйнар во время этого рассказа чуть более чем неловко. Ему даже где-то неприятно рассказывать двум красивым девушкам о том, какой он возмутительно больной, слабый и беспомощный. Эспеланд не придумывает ничего лучше, чем броситься в ответную атаку – и, словно перекидывая обратно волейбольный мяч, возвращает Ирине её вопрос: – Ну, а ты и Райан? Вы тоже насквозь больных не тянете. Что держит в монастыре вас?

Ирина Рейн

Ирине с присущим ей поистине слоновьим чувством такта как-то не пришло в голову, что если Эйнар не вывалил ей сразу всю историю болезни, а напротив, попытался отделаться парочкой общих слов - значит, углубляться в эту тему пацан не хочет, это дело очень личное и нечего туда ломиться в грязных сапогах и руками хватать без спроса. Рыжей уже успело стать бесконечно интересно, что ж такое произошло с милым мальчиком, что ему аж за магией понадобилось бежать, но при этом невооруженным глазом так ничего снаружи особо не видно.

Вытянутые из Эйнара дополнительные сведения не прояснили совершенно ничего. Вот вообще. Ирина озадаченно посмотрела на парня, прикидывая, где это у него может быть позвоночник сломан об колено, а потом решительно моргнула, переключаясь на зрение врачевателя, чтобы допросить уже ауру страдальца. Этот трюк, который опытные мастера выполняют так же легко, как дышат, для Ирины пока был дико сложным. Рыжая и так умела сосредотачиваться плохо, редко и ненадолго, а тут требовалось аж все кишки напрячь, чтобы не мелькнувшим двадцать пятым кадром ауру увидеть, а наблюдать ее хоть сколько-нибудь продолжительное время. Вот и сейчас, что характерно, долго рассматривать ауру у Рейн не получилось, всего каких-то несколько секунд, а потом рыжая сбилась и потеряла картинку. Но, в общем-то, главное она увидеть успела, на это глазастости хватило.

- Родной, у тебя тут... х#рня какая-то, в общем, - решительно заключила Ирина, указывая пальцем на шею Эйнара прямо поверх головы Райан. - Мамой клянусь, это не кость, темное что-то, ближе к черепу. Что это? Эмбрион Чужого застрял? А с глазами что? - правда, это Рейн ляпнула уже скорее наугад. Ирине показалось, что синяя чакра у молодого человека горит какими-то странными всполохами - а раз она в организм встроена прямо напротив глаз, значит, с глазами тоже что-то неладно, вот вам логика, построенная на обрывках знаний.

Райан О'Мера

Райан послушала еще немножко, склоняя голову то к плечу Ирины, то к плечу Эйнара, в зависимости от того, кто говорит, и поняла, что даже со всей своей неуклюжестью - ирландке надо вмешиваться и спасти разговор. Хоть как-нибудь, потому что Ирина сейчас не спасала его никак, за своими вопросами начисто позабыв о чужих. За рыжей водилась избирательная внимательность к чужим словам, но сейчас она была особенно не к месту. Встрепенувшись всем телом, Райан подхватила выпавшую из рук Ирины нить беседы и ринулась в бой, падать грудью на покинутую подругой амбразуру.

- О, в нашем монастыре живут чудесные целители, не сомневайся! - затараторила Райан, яростно кивая, как китайский болванчик. - Лучшие из них, я думаю, сумеют заново тебя собрать, даже если ты рассыпан на отдельные молекулы, и тело порой воскресает под их руками даже в безнадежных случаях. Тебе стоит надеяться на них - о, тебе очень стоит на них надеяться! Но, пожалуй, тебе стоит больше расспрашивать об этом Ирину. Из нас двоих у целителей учится она, - неловко закончила О'Мера. И чуть-чуть помолчала, давая Эйнару время все это услышать и принять, а потом снова бросилась рассказывать.

- Я бы с тобой поспорила. Чем ты измеряешь боль? - отважно пискнула Райан. - Возможно, мы как раз являем собой боль, натянутую на скелет. Но ты прав, в монастыре нас держит не она. Мы с Ириной учимся в монастыре. Принимаем те знания, которые мастера готовы нам дать. Скажи, ты остался бы в монастыре на учебу? - наивно спросила ирландка. - Или тебя интересует лишь твое исцеление, и

сверх этого ты задерживаться в монастыре не намерен? Это будет ничего, если не намерен. Твои привязанности вполне могут лежать вне тибетских гор, а нас с Ириной ты впервые в жизни видишь. Мы никак не можем стать твоим главным приоритетом в жизни, это звучит очень правильно. Правильно ведь?

Эйнар Эспеланд

На Ирину, каким-то неведомым способом узревшую титановый имплант прямо сквозь одежду и кожу, Эйнар смотрит диким, растерянным взглядом. Пожалуй, что и отшатнулся бы, если бы не Райан, крепко держащая юношу за руку. Словно это может помочь – хотя уже и так ясно, что рыжая зрит насквозь, словно рентген, и смысла заслоняться от неё никакого нет, – Эспеланд накрывает свою шею ладонью, мимоходом нащупывая протянувшийся почти от самого затылка шрам. И, с подозрением глядя на Ирину в упор, напряжённо говорит: – Там имплант. Зрение плохое. Откуда ты всё это знаешь? Как?...

Нежное щебетание Райан ясности не вносит, но замечательно отвлекает от нехороших мыслей. Эйнар понимает из её речи, что в монастыре есть супер-медики, на помощь которых можно попытаться рассчитывать. И что Ирина как раз принадлежит к этой благословенной касте – это, наверное, отчасти объясняет глазастость рыжей девушки. Но вопросы всё равно остаются, и Эйнара в основном беспокоит только то, прилично ли будет их задавать, а если прилично, то в каком количестве. Высыпать Ирине на голову залпом сразу все накопившиеся вопросительные знаки явно будет хамством.

– Зависит от самой учёбы, – осторожно отвечает Эспеланд, стараясь не давать раньше времени опрометчивых обещаний. – Нужно будет посмотреть на само обучение... Но вообще-то я ничего такого не планировал. Я даже не знал, что в этом монастыре учиться можно, это для меня откровение, – и, следует признаться, откровение любопытное. Поэтому Эйнар снова переводит взгляд на Ирину и просит: – Расскажи больше. Пожалуйста. Как тебя учат? Чему именно?

Ирина Рейн

Ирина неуютно запыхтела, как только выяснилось, что ей тут предлагают ни много ни мало вещать за всех магов монастыря и сразу. И даже круче того - на темы, в которых рыжая пускала пузыри где-то глубоко ниже ватерлинии. Вот, врачевание - ишь, нашли тоже тему. Целитель из Ирины был чуть более чем паршивый. Рыжая за всё время, что она тусила в монастыре, успела один раз сходить на мастер-класс к мастеру Давенпорт, слегка потренироваться на кошках, то есть, на себе, любимой, и чуть-чуть чего-точитать в библиотеке по теме, довольно условно. И вот, пожалуйста, это уже оказалось вполне достаточным поводом для того, чтобы Райан немедленно начала лепить из рыжей искусного врачевателя.

Несмотря на то, что отойти от деревни они уже успели на приличное расстояние, Ирина неуютно огляделась, словно из-за ближайшего валуна могли торчать чьи-то любопытные волосатые уши. Затем прибавила шаг, волосы за собой Райан, чтобы та, в свою очередь, побыстрее направляла Эйнара в нужную сторону. И только после этого, на пониженных тонах - впрочем, в исполнении Рейн это всё равно не звучало как шепот - заговорила: - Понимаешь, фишка в том, что я вроде как вижу, что у тебя там внутри. Не в деталях, конечно, только в общих чертах, зато в красках. Этот твой имплант, его и близко с костью не спутаешь, он капец насколько темнее.

Почти черный. На опухоль, кстати, издаleка похожа, - засомневалась Ирина. - В общем, короче, так! Я ещё не целитель, я только любопытный губошлеп. Вот придем в монастырь, и ты у опытных людей сам всё спросишь - как правильно за такими вещами смотреть, какой цвет что значит и как с неполадками бороться. А этот имплант, он как тебе туда встроен? Вместо позвонка, что ли? - заинтересовалась рыжая. И непременно поглядела бы на ауру ещё раз, поближе и повнимательнее, если бы не видела, как Эйнара и после первого раза неуютно скорчило. Пусть лучше сам рассказывает, пока шанс дают.

Райан О'Мера

Райан покосилась на Ирину с неодобрением - по мысли ирландки, рыжая должна была принять у неё слово и тоже запеть соловьем, расхваливая обучение в монастыре на все лады и завлекая Эйнара. В итоге же у Ирины получилась даже и не речь толком, так - жалкая попытка изобразить монолог. О'Мера с неодобрением подумала, что рыжая очень и очень не зря повадилась в последнее время называть себя удадом - удад и есть, больше трёх нот не может складной связать воедино, да и те, что есть, какие-то пресные. Надо было запеть, а Ирина брякнула и отскочила в сторону.

- Прости её. Красноречие - не её конёк, - обратилась Райан к Эйнару, болтаясь между ним и Ириной словно буксирный трос, но отважно продолжая разговор. - Я бы сказала, Ирине скорее свойственна доходчивость - такая прямолинейная доходчивость, с которой летящее копьё объясняет, что от твоей головы сейчас останется одно канале. Ирина не умеет объяснять так, чтобы тебе захотелось следом за её рассказом уйти в воздушные дали. Но, поверь на слово, и не разочаруешься на деле - наш монастырь очень стоит того, чтобы в нем задержаться! Впрочем, ты, наверное, и так удержишься? - с надеждой и с детской наивностью спросила Райан. - Ты ведь всё равно найдёшь целителя не сразу. Они многофункциональны, как любые наши мастера, и не проводят все свободное время в лазарете, у них есть дела и помимо этого. Тебе, я думаю, придётся договариваться о встрече, потом ждать встречи... Это может быть долго. Не так долго, как тянется световой или даже земной год, но всё же, это займёт время. Может, за это время ты полюбишь наш монастырь и нас? О, я была бы очень этому рада! - восторженно заключила Райан, и её восторга ничуть не умаляло то, что она по-прежнему лёгкой куколкой болталась между Ириной и Эйнаром. Если бы молодой человек действительно решил остаться в монастыре, О'Мера обрадовалась бы этому очень сильно. Как медвежонку весной.

Эйнар Эспеланд

Невольно напрашивался вывод, что говорить о медицине вообще и, в частности, о тибетской медицине Ирина сейчас не хочет – Эйнар позволяет себе сделать такое предположение практически на бегу. Потому как рыжая, вполне возможно, что на нервах, начинает мчаться вперёд со скоростью курьерского поезда. Райан за ней очевидно не поспевает – впрочем, она особенно и не пытается, всё больше повисая на своих спутниках.

Признаться, Эйнару хочется последовать этому по-своему мудрому примеру и тоже повиснуть у рыжей на плечах. Может, тогда она притормозит. Потому что непринуждённо продолжать диалог на бегу – жесточайше неудобно.

– Примерно так и встроен, – говорит Эспеланд, сам, правда, не очень точно

представляющий, что именно было сделано в ходе операции. – Позвонка там вроде, считай, и не осталось, так его раздробило. Это, наверное, логично, что имплант по цвету должен отличаться от костей, но я по-прежнему абсолютно не понимаю, как ты смогла это увидеть. Не беги с такой скоростью, пожалуйста! Мы же затопчем Райан, она за нами не успевает. Если ты так не хочешь говорить на подобные темы, я тебя больше ни о чём таком спрашивать не буду. Потерплю до монастыря. Мне не сложно.

Обещание Эйнар старательно держит, уже поняв, что от Ирины, действительно, детальных объяснений ждать не стоит, она куда скорее человек действия. Надо будет показать на личном примере, так покажет без проблем. А с высокой точностью описать желательно красивыми словами – увольте. Поэтому всю оставшуюся дорогу Эйнар обсуждает с девушками аэропорты, самолёты и прочие околоторожные темы как самые очевидные – и так вплоть до самого монастыря. В котором уже приходится с девушками временно попрощаться, но, судя по тому представлению, которое Эйнар успевает составить о своих спутницах, разлука очень вряд ли продлится долго.
